

ФОРМИРОВАНИЕ НОРМ НОВОПИСЬМЕННОГО КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

© 2008 С.В.Ковалева, А.П.Родионова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск

Данная статья посвящена проблемам становления новейшей лексики и орфографии новописьменных языков (в данном случае, карельского языка). В статье отражены современные процессы словообразования, а также представлена к решению проблема так называемых послеложных падежей. Вопросы освещаются в контексте становления новописьменной нормы карельского языка.

Начавшееся в конце 1980-х годов возрождение карельской письменности к настоящему времени привело к формированию трёх письменных традиций: на тверских говорах в Тверской области, на собственно карельском наречии и на ливвиковском наречии в Карелии. Написаны грамматики, изданы словари карельского языка, с учётом современной языковой ситуации создаются учебники нового поколения. Но жизнь идёт вперёд, и на сегодняшний день предпринята попытка создания письменности на людиковском наречии карельского языка. Таким образом, уместно говорить о возникновении четвёртой письменной традиции в карельском языке. «Подобное литературное «двуязычие» (в данном случае – «многоязычие»), как известно, наблюдается не только у карелов, но и у некоторых иных финно-угорских народов (мордва, марийцы, коми) и не является препятствием к их развитию, в свою очередь, появление так называемых «языковых пар», а не единого национального языка, обусловлено особенностями этногенеза народов»¹.

Однако, при наличии многообразия письменных традиций, в последнее время прилагаются усилия по сближению диалектов. Так, в конце декабря 2006 года Термино-орфографическая комиссия, существующая при Государственном комитете Республики Карелия по делам национальной политики, совместно с приглашенной карельской общественностью вновь обсуждала проблему ал-

фавита. Было решено уединообразить обозначение на письме гласного переднего ряда верхнего подъема, который в возникших письменных традициях передавался по-разному: как *ÿ* и как *у* (решение было принято в пользу собственно карельского *у*, что, в какой-то степени, наносит урон ливвиковским письменным текстам, которые даже более многочисленны в настоящее время, нежели собственно-карельские тексты). Из ливвиковской новописьменной традиции, кроме того, было предложено также изъять букву *ž*, обозначив ее сочетанием двух букв *dž*, что, правда, не передает ее звукового содержания в полной мере и в какой-то степени лишает диалект его своеобразной экзотики. Хотя признаем, что стремление к сближению диалектов – явление прогрессивное, поскольку единый литературный язык может содействовать единению народа.

Создание единого карельского языка позволило бы решить многие проблемы. Во-первых, «...он мог бы объединить все диалектные группы с тем, чтобы в будущем развивать литературный карельский язык, в котором были бы учтены все наиболее важные грамматические общности его наречий»².

Кроме того, развитие одного письменного языка было бы экономически более оправданным, а также не предоставило бы поводов спекулировать на тему невозможности придания карельскому языку государственного статуса. «...В целях сохранения нации, на-

¹ Зайцева Н.Г. Двуязычие в культурном пространстве малочисленного народа // Межкультурное взаимодействие в полиэтничном пространстве пограничного региона: материалы международной научной конференции. – Петрозаводск: 2005. – С. 31.

² Зайков П.М. К вопросу о едином карельском языке // Pars II. Summaria acroasium in sectionibus: Linguistica / Cogressus decimus intrenationalis fenno-ugristarum, Joshkar-Ola 15.08. – 21.8.2005. – Йошкар-Ола: 2005. – С. 57 – 59.

ционального языка и национальной культуры... необходимо стремиться к созданию состояния: один народ – один язык»³. С другой стороны, с точки зрения идей языковой экологии, происходящее в результате стандартизации сокращение свободного варьирования (в том числе и диалектного), признаётся некоторыми лингвистами скорее как негативный фактор. Весьма существенно наличие даже в современных условиях в разных странах своеобразного двуязычия, когда владеющий литературным языком и употребляющий его в официальных сферах общения использует диалект в быту.

Стоит отметить, что уже в настоящее время унифицируются отдельные терминологические системы в карельском языке. В связи с этим, с точки зрения преемственности прерванной в силу ряда причин письменной традиции карельского языка, уместно было бы вспомнить опыт создания карельской письменности в 1930-е годы. Создавая единый литературный карельский язык, в области унификации лексики языковеды предлагали, например, использовать различия в словах отдельных карельских наречий в качестве источника обогащения литературного языка. Для этого было предложено строго дифференцировать понятия при обилии различий в словах разных наречий. «В одних карельских наречиях малтуа имеет значение «уметь, понимать», в других – только значение «уметь», а слово «понимать» будет эллендиä. В таком случае слову малтуа в литературном языке можно было бы придать только значение «уметь», а слову эллендиä – «понимать»⁴.

Процессы формирования письменных традиций и складывания литературного языка длительны и неоднозначны. Учитывая то, что диалектные особенности карельского языка достаточно существенны, а также принимая во внимание реально существующую в Карелии ситуацию двуязычия, формирование единого карельского языка как некоего наддиалектного средства общения может вызвать большие трудности. В карельском языке

«...связь нынешних форм карельской письменности с диалектной основой слишком прочна и разрыв с ней пагубно скажется на отношении карелов к родному языку»⁵. Диалектные разновидности языка, лишившись какой-либо поддержки, под влиянием объективных условий могут начать угасать.

Основной характеристикой литературного языка является его наддиалектный характер. Именно потребность в общем средстве общения является одним из главных стимулов становления литературного языка. В Республике Карелия в условиях двуязычия, при котором русским языком владеет практически всё население, не возникает социальной потребности в дополнительном средстве общения между носителями разных наречий. Подобная ситуация отмечается, например, и в Марийской Республике: при замене горномарийского языка лугомарийским говорящие немедленно переходят на русскую речь. «Для большинства горномарийской молодёжи русский является вторым родным языком, поэтому, не утруждая себя изучением другого нематеринского, т.е. лугомарийского языка, молодёжь тут же переходит на повседневную русскую речь»⁶.

Литературный язык представляет собой ту последнюю стадию развития письменного и разговорного языка, когда для всей территории устанавливаются единые орфографические и произносительные нормы. Нормы литературного языка являются обязательными. «Начальный этап развития литературного языка характеризуется складыванием этих норм. Процесс этот сложный и противоречивый»⁷. Неизменным и постоянным качеством литературного языка, всегда выделяющим его среди других форм существования языка и наиболее полно выражающим его специфику, является обработанность языка и связанные с ней отбор и относительная регламентация.

⁵ Зайков П.М. К вопросу о едином карельском языке // Pars II. Summaria acroasium in sectionibus: Linguistica / Congressus decimus internationalis fenno-ugristarum, Jshkar-Ola 15.08. – 21.8.2005. – Йошкар-Ола: 2005. – С.58.

⁶ Васикова Л.П. Языковые конфликты и их причины // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. – М.: 2001. – С. 93.

⁷ Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. – М.: 1967. – С. 77.

³ Пустай Я. Молодёжь – залог будущего // Финно-угорский вестник. – Йошкар-Ола: 2004. – С. 29 – 46.

⁴ Хмяляйнен М. О принципах терминологического строительства и унификации лексической части в карельском языке: тезисы доклада (рукопись). – Петрозаводск: 1937.

С понятием литературного языка, называемым иначе нормированным, или кодифицированным, неразрывно связана норма, являющаяся результатом кодификации⁸. Кодификация представляет собой целенаправленное упорядочение всего, что касается языка и его применения. Результаты кодифицирующей деятельности отражаются в нормативных словарях и грамматиках⁹.

Основу литературных норм составляет некоторая условно выделяемая совокупность реализаций, признаваемая обществом за образцовые. «Определяя литературную норму за некую совокупность реализаций языковой системы, признаваемую обществом в определённый период его исторического бытия за образцовую, литературные нормы имеют обычно не только территориальную базу, но и известную социальную основу...»¹⁰. Норма – это понятие интралингвистическое, а кодификационные процессы – экстралингвистическое (кодификационные процессы можно отнести к сфере языкового планирования). Создание и развитие единой нормы литературного языка, т.е. его стандартизация, составляет ядро корпусного языкового планирования. Норма, отличающая литературный язык от других языковых проявлений, опирается на «...социальные санкции и цензуру, которые не ограничиваются только аспектами языка, т.е. грамматикой и лексикой»¹¹. Корпусное планирование охватывает создание и развитие литературного языка, реформы орфографии, введение в обиход новых слов и терминов, а также составление словарей и грамматик.

Поскольку норма по своей сути сопряжена с понятием отбора, селекции, тот факт, что «...варианты существуют в пределах нормы, только на первый взгляд кажется противоречащим строгости и однозначности нормативных установок»¹². В связи с этим стоит упомянуть, что параллельно с развити-

ем карельской письменности в Карелии шло формирование письменности близкородственного вепсского языка. Для возрождения вепсского письменного языка было принято решение синтезировать особенности диалектов. Но, например, в учебной литературе специалисты договорились «...найти возможность активнее использовать говорные лексические различия и, по мере возможности, превратить их в синонимы»¹³. В учебниках и учебных пособиях читателю предоставлялась свобода выбора: примеры приводились с привлечением различных диалектов и говоров, причем, это разнообразие было проиллюстрировано и в области грамматики.

Формирование нормы в новописьменной традиции карельского языка можно проиллюстрировать на примере образования новой лексики и грамматических форм и конструкций.

Проанализированный лексический материал показывает, что при номинации нового понятия в новописьменном карельском языке предпочтение отдаётся морфологическому способу словообразования.

Суффиксальная система карельского языка чрезвычайно богата, большинство продуктивных суффиксов, с помощью которых образуются производные слова, различаются в собственно-карельском и ливвиковском наречиях лишь огласовкой.

Анализ современного словообразования в карельском языке мы даём в синхронном срезе, пытаясь, тем не менее, в отдельных случаях затрагивать и диахронию.

Наиболее продуктивными отымёнными суффиксами стали: -us, -üs; -ys; -hus, -hüs; -hys; -vus, -vüs; -vys.

В ливвиковском наречии: *tolkuttomus* «абсурд» < *tolkutoi* «бестолковый»; *ozattomus* «авария» < *ozatoi* «несчастный»; *iänizüs* «громкость» < *iänilline* «громкий»; *kunnottomus* «непорядочность» < *kunnotoi* «непорядочный»; *vellallizus* «обязанность» < *velalline* «обязанный»; *suurellizus* «величавость» < *suurelline* «величавый»; *hendovus* «субтильность» < *hendo* «слабый»; *kuulužus* «известность» <

⁸ Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-05htm>.

⁹ Там же.

¹⁰ Норма и социальная дифференциация литературного языка. – Москва: 1969. – С.19.

¹¹ Раннунт М. Пособие по языковой политике. – Таллинн: 2004. – С.125.

¹² Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-05htm>.

¹³ Зайцева Н.Г. Двухязычие в культурном пространстве малочисленного народа // Межкультурное взаимодействие в полиэтническом пространстве пограничного региона: материалы международной научной конференции. – Петрозаводск: 2005. – С.302.

kuulužu «известный»; ühtehüs «всеобщность» < ühtehine «общий»; hüväsüdämellizüs «добросердечность» < hüväsüdämelline «добросердечный».

В собственно-карельском наречии: ahnehus «жадность» < ahneh «жадный»; puhtahus «чистота» < puhas «чистый»; kaunehus «красота» < kaunis «красивый»; korkevus «высота» < korkie «высокий»; rahun «зло» < raha «плохой»; tárkeys «насущность» < tárkie «важный»; mukavus «комфорт» < mukava «красивый».

Названные словообразовательные суффиксы были достаточно распространены как в ливвиковском наречии карельского языка (например, в карело-финский перечень слов Грамматики карельского языка 1936 года Э.Ахтия включены küllüs, kulematus – Ahtia: 1936), так и в собственно-карельском наречии – tuoreus, helppous. В Грамматике карельского языка Д.В. Бубриха также встречаются примеры такой аффиксации: vägevüs, тервехүс¹⁴.

Эти суффиксы весьма продуктивны и в других родственных языках, например, в вепском – kagluž, tuluz, в ливском – opatyks, tatuks.

Конечная гласная производящей основы –а, –ä при присоединении этих словообразовательных суффиксов на морфемном шве выпадает. Например, tahtottomus «апатия» < tahtotoi (tahtottoma-) + us. «Здесь можно предположить влияние фонетического закона карельского языка, в соответствии с которым два находящиеся рядом гласных звука всегда превращаются в дифтонг и относятся к одному слогу, что нарушило бы словообразовательную структуру слова»¹⁵.

Образуя производное слово, данные суффиксы придают ему, как правило, значение абстрактности. Суффиксы весьма продуктивны в современном словообразовании. Из современного карельского языка в качестве примеров можно привести следующие отыменные новообразования: runohus «поэзия», miigevus «кислотность», lihavus «тучность», julgevus «смелость», lumovus «обая-

ние», eričus «различие», piduhus «долгота», kodikkahus, mieluhus «уют» и т.д. В собственно-карельском наречии абстрактные существительные также образуются с помощью этих суффиксов: viärys «несправедливость», tyhjuys «опустошенность», vähuys «ограниченность», utelijaisus «любопытство», röuheys «амбиция».

На примере использования данных суффиксов в современной практике языкового планирования можно проследить преемственность письменной традиции с историческим опытом создания литературного карельского языка 1930-х годов. Выступая на 1-й Всекарельской лингвистической конференции по карельскому языку 1937 года М.М.Хямяляйнен в своём докладе «О терминологическом строительстве и унификации лексики карельского языка» призывал в деле создания новых слов шире использовать суффиксальное словообразование. «Например, от слов суури (большой, великий), питкя (длинный), нэбиэ (ловкий), куйву (сухой) можно образовать слова и термины, которые очень нужны, но в карельском языке ещё не выступают или выступают сравнительно редко». М.М.Хямяляйнен от этих прилагательных предложил образовать абстрактные существительные суурус (величина), пидус (длина), нэбевус (ловкость), куйвус (сухость, засуха). Также, от отыменного прилагательного руавотойн (безработный) было предложено образовать руавоттомус (безработица)¹⁶.

-kko, -kkö; -ikko, -ikkö; -likko, -likkö

Эти суффиксы, достаточно известные в карельском языке, придают дериватам, как правило, собирательное значение: louhikko, lowhikko «каменистое место» < loho; koivikko «березняк» < koivu. Суффикс очень продуктивен в близкородственном финском языке: kivikkö, kuusikko, lepikkö и т.д. Встречается также и в других прибалтийско-финских языках: в ижорском – hävikko, в вепском – koivik, в эстонском – kaasik.

Данные суффиксы являются одними из наиболее часто используемых в современном слово- и формообразовании как в ливвиковском наречии:

¹⁴ Бубрих Д.В. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). – Петрозаводск: 1937. – С.33.

¹⁵ Маркианова Л.Ф. Пути развития лексической системы карельского языка // Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. – Szombathely: 2003. – С. 67.

¹⁶ Хямяляйнен М. О принципах терминологического строительства и унификации лексической части в карельском языке: тезисы доклада (рукопись). – Петрозаводск: 1937. – С. 10.

kuuzisärmikko «шестигранник» < kuuzi «шесть»; kuuzikulmikko «шестиугольник» < kuuzi «шесть», kulmu «угол»; vinonellikkö «ромб» < vino «косой», nellі «четыре»; räivikkö «дневник» < räivü «день»; kolmikko «треугольник» < kolme «три»; urhakko «герой» < urhu «смелый»; vezakko «поросль» < veza «побег»; savikko «суглинок» < savi «глина»; üksikkö «единица языка» или «единственное число» < yksi «один»; monikko «множественное число» < moni «многие»; kirjaimikko «алфавит» < kirjain «буква», так и в собственно-карельском наречии:

kirjaimikko «алфавит» < kirjain «буква»; meščärivikkö «лесополоса» < rivi «ряд, полоса»; honkikko «сосновый бор» < honka «со-сна»; jäkälikkö «ягельник» < jäkälä «ягель».

Слова üksikkö и monikko, образованные при помощи суффикса -kko(-kkö), появились в карельском языке под явным влиянием финского языка (ср. фин. yksikkö и monikko). Эти новообразования можно отнести к разряду словообразовательных калек, поскольку они созданы по правилам карельской грамматики из собственных языковых средств. Аналогичным образом создано taulukko «таблица» < taulu «доска» (ср. фин. taulukko). Неологизм же säveilikkö «гамма» скорее представляется заимствованием (ср. фин. sävelasteikko), поскольку в карельском языке отсутствует и сама исходная основа sävel.

Лексему urhakko «герой» вполне можно было бы рассматривать также как результат морфолого-синтаксического способа образования новых слов, поскольку наряду с urhu «смелый» в карельском языке с таким же значением в форме имени прилагательного встречается urhakko.

-sto, -stö; -isto, -istö

Широкоупотребительный суффикс во многих прибалтийско-финских языках (kuusisto, laivasto - фин., koivišt - вепс., koivisto, kalmisto - с.-кар.), придаёт дериватам значение коллективности. Весьма часто используется в настоящее время при образовании новых форм в ливвиковском наречии:

kartasto «атлас» < kartu «карта»; pertistö «апартаменты» < perti «комната»; ümbäristö «среда» < ümbäri «вокруг»; lehtistö «пресса» < lehti «газета»; miehistö «экипаж» < mies «мужчина»; toimisto «бюро» < toimi «занятие, дело»; eläjistö «население» < eläi «житель».

Вновь образованные слова выступают также частями сложных слов: lehtistöpalvelu «пресс-служба»; küläümbäristö «сельский пейзаж»; sähköverkosto «электросеть».

Из неологизма hommal создана форма hommalisto «агентура». Среди новых слов: vezistö «водоём», enimistö «преобладание», vanhempisto «родительский комитет» и т.д.

В собственно-карельском наречии суффикс также нашёл применение в новообразованиях коллективного значения:

sihteeristö «секретариат», sisävesistö «внутренние воды», valdamiehistö «власть имущие», kortisto «картотека», herralisto «номенклатура», miehistö «команда».

-l, -la, -lä, l'a

Эти суффиксы обладают «целым пучком значений»¹⁷. В прибалтийско-финских языках слова, образованные при помощи суффиксов -l, -la, -lä имеют обычно семантическое значение места или коллективности: фин. appela «дом тестя», кар. toatto l'a «дом отца». Если касательно апеллятивного словообразования в целом можно говорить о непродуктивности данного суффикса, то, в свою очередь, следует указать на его популярность в карельских топонимах. В топонимах суффикс обладает локативной семантикой – Reboilu, Jürgil. Формант-l выступает в ливвиковской ойконимии, являясь продуктивной моделью в восточном Приладожье¹⁸.

В современном языке не отмечено активного использования названных суффиксов. С формообразующим суффиксом -l образовано, например, слово hommal «агентство» < hommi «хлопоты, занятия», которое употребляется также в составе сложных слов, например, tiedohommal «информационное агентство».

На базе употребления суффикса -la, -lä, -l'a возник широкоупотребительный суффикс -lane, -läne (-laine, -läine), -laini, -läini, образующий имена со значением «принадлежащий к такому-то коллективу, к такому-то месту», «член такого-то коллектива», «житель

¹⁷ Бубрих Д.В. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). – Петрозаводск: 1937. – С.31.

¹⁸ Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. – Петрозаводск: 2002. – С. 90; Карлова О.Л. -L-овая модель в топонимии Карелии: автореферат диссертации канд. филол. наук. – Петрозаводск: 2004.

такого-то места»¹⁹. Например, в собственно-карельском наречии широкоупотребительны производные слова со значением места жительства: *oulankalainen*, *kiestinkiläinen*, *suomelainen*²⁰. В современном языке при помощи этого суффикса образовано, например, слово *čuassupalkalaine* «почасовик» < *čuassu* «час», *palku* «зарплата».

На месте коллективного суффикса *-la*, *-lä* употребляется суффикс *-listo*, *-listö* «...как суффикс названий коллектива»²¹: *hierulisto* «жители деревни» < *hieru* «деревня», в собственно-карельском наречии – *keyhällistö* «беднота» < *keyhä* «бедный», *rappilisto* «церковные служители» < *rappi* «поп»²². Этот суффикс в ливвиковском наречии весьма продуктивен, по сравнению, например, с суффиксом такого же значения *-oveh*²³. В современном языке в значении «жители города, горожане» употребляется образованная при помощи *-listo* лексема *linnalisto* < *linnu* «город».

-niekku, *-niekka*.

Данный суффикс как вариант суффикса *-nik* является одним из древнейших и наиболее распространённых суффиксов в прибалтийско-финских языках: *abunik* (вепс.), *sarvniekka* (фин.), *velganika* (лив. яз.). Суффикс был заимствован из русского языка, в котором с его помощью образуются слова со значением лица, производящего действия. В работе «Суффикс *-nik* в прибалтийско-финских языках» П.Пальмеос распределяет производные с *-nik* в карельском языке по следующим семантическим значениям: а) по профессии или роду деятельности; б) по существенному признаку; в) по участию в какой-либо деятельности; г) по месту жительства²⁴. В карельском языке этот суффикс значительно употребителен в олонецких говорах.

В ливвиковском наречии суффикс оказался очень продуктивным при создании новых отымённых существительных:

vuoronekku «сменщик» < *vuoro* «смена»; *peronekku* «практик» < *pero* «умение»; *virguniekku* «администратор» < *virgu* «должность, чин»; *tullivirguniekku* «таможенник» < *tulli* «таможня» (финское заимствование), *virgu* «должность, чин»; *ammattinekku* «специалист» < *ammatti* «профессия»; *aziinekku* «агент» < *azii* «дело»; *kirjunekku* «грамотный человек» < *kirju* «грамота»; *velguniekku* «должник» < *velgu* «долг»; *runonekku* «поэт» < *runo* «стихотворение, руна».

В собственно-карельском наречии посредством суффикса образуются существительные со значением рода занятий, специальности, профессии, положения²⁵:

niittynieikka «косарь» < *niitty* «покос»; *soittonieikka* «музыкант» < *soitto* «игра»; *harppunieikka* «гармонист» < *harppu* «гармонь»; *kalanieikka* «рыбак» < *kala* «рыба».

Новообразования в собственно-карельском наречии могут состоять как из исконных, так и заимствованных элементов: *konehmechanikka* «бортмеханик», *nimipäivänieikka* «именинник», *smutel'nieikka* «обманщик», *gaskol'nikka* «раскольник».

При образовании отглагольных существительных наиболее продуктивны суффиксы: *-u*, *-ü*, *-u*

Суффикс образует имена от глаголов как в карельском (с.-кар. *itku*, *maksu*, *käsky*), так и в родственных языках (фин. – *haku*, *ajatelu*). В финском языке это один из наиболее продуктивнейших суффиксов.

Дериваты называют действие или результат действия (ливвиковское наречие):

luvettelu «инвентаризация» < *luvetella* «считать»; *ajattelu* «замысел» < *ajatella* «размышлять»; *ezittelü* «аннотация» < *ezitellä* «представлять»; *nägü* «зрелище» < *nähtä* «видеть»; *lajittelu* «дифференцирование» < *lajitella* «сортировать»; *koittelu* «проба» < *koitella* «пробовать»; *harjoittelu* «репетиция» < *harjoitella*, *harjautella* «заниматься».

В данном случае словообразования конечная гласная производящей основы перед

¹⁹ Бубрих Д.В. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). – Петрозаводск: 1937. – С.31.

²⁰ Зайков П.М. Грамматика карельского языка: Фонетика и морфология. – Петрозаводск: 1999. – С.103,

²¹ Там же. – С.103.

²² Там же. – С. 104.

²³ Virtaranta P. Eräästä karjalais-vepsäläisestä kollektiivijohtimesta // Verba Docent. – Helsinki: 1959. – С.412.

²⁴ Пальмеос П. Суффикс *-nik* в прибалтийско-финских языках // Советское финно-угроведение. – 1982. – № 1. – С.1 – 7.

²⁵ Зайков П.М. Грамматика карельского языка: Фонетика и морфология. – Петрозаводск: 1999. – С.103.

суффиксом выпадает: ezittelü < ezitellä (ezitetele-).

Девербальные существительные могут также обозначать предмет: näčkü «жевательная резинка» < näčkiä «чавкать».

В собственно-карельском наречии производные слова имеют то же значение действия или его результата: juoksu «бег» < juossa «бегать», itku «плач» < itkie «плакать», alku «начало» < alkua «начинать», maksu «оплата» < maksua «платить», hyppy «прыжок» < hypätä «прыгать», käsky «приказ» < käskie «приказывать». В новописьменном языке суффикс оказался чрезвычайно продуктивным:

muuttelu «вариация» < muutella «менять»; esitelly «аннотация» < esitellä «знакомить»; erittely «анализ» < eritellä «анализировать»; pitvittely «волокита» < pitvitellä «мешкать»; arvelu «гипотеза» < arvella «полагать»; kysely «допрос» < kysellä «спрашивать»; kiistely «дискуссия» < kiisellä «спорить»; yhitylu «комбинирование» < yhityllä «соединять»; kiemurtelu «лавирование» < kiemurrella «лавировать» (с.-кар.).

Приведённые примеры убедительно подтверждают способность средствами разговорного языка продуцировать новые слова, отражающие реалии современной жизни (pitvittely, arvelu).

-ndu, -ndü, -nta, -ntä

Данные отглагольные суффиксы придают дериватам значение действия или его результата: guanta «работа» < guatua «работать», ečintä «поиск» < ečie «искать», myöntä «продажа» < myyvvä «продавать», itkentä «плач» < itkie «плакать», varajanta «боязнь» < varata «бояться», syötäntä «кормление» < syöttöy «кормить», kuuntelenta «слушание» < kuunnella «слушать»²⁶.

При помощи этого суффикса в настоящее время чаще образуются имена действия (ливвиковское наречие): vastustandu «парирование», uuzi valličendu «переизбрание», venalastandu «русификация», küzelendü «опрос», lähevündü «приближение», viestitändü «сигнализация».

Дериваты входят в состав сложных слов: kevätkučundu «весенний призыв» < kuččuo «звать»; käzienloškuandu «аплодисмен-

ты» < loškua «хлопать». В некоторых случаях обе части сложного слова могут быть образованы от глаголов: müöndü/ozuttelu «выставка-продажа» < müöndüö «продавать», ozuttua «показывать».

В собственно-карельском наречии данный суффикс активно используется при номинации новых понятий:

hävitäntä «ликвидация» < hävittyä «уничтожить»; luatiuvunta «лицемерие» < luatiutuo «притвориться»; värvyäntä «мобилизация» < värvätä «мобилизовать»; kiven sahuanta «камнеобработка» < sahata «пилить»; keskenäini suvačenta «взаимоуважение» < suvata «любить, нравиться».

Многие новые лексемы образованы при помощи данного суффикса от заимствованных через русский язык глаголов: limitointa «лимитирование» < limitoija «лимитировать», lisensiointa «лицензирование» < lisensioija «лицензировать», kodifiointa «кодификация» < kodifioija «кодифицировать».

-us, -üs, -ys

Очень продуктивный суффикс в прибалтийско-финских языках, образует существительные, обозначающие процесс или результат действия²⁷:

valehuš, ombelus (кар. яз.), ägestuz (вепс. яз.), vastus (эст.яз.).

В лексикон новописьменного карельского языка вошли следующие слова (ливвиковское наречие):

harjavutus «адаптация» < harjavuttua «свыкаться»; kahahtus «атака» < kahahtua «броситься, ринуться»; ennustus «апокалипсис» < ennustua «предвещать»; valličus «баллотирование» < vallita «выбирать»; pallastus «раскрытие» < pallastua «раскрыть»; sijoitus «расположение» < sijoittua «располагаться»; huoristus «растерянность» < huoristua «озираться»; uvvistus «регенерация» < uvvistua «обновлять»; kulutus «расходование» < kuluttua «расходовать»; kehoitus «рекомендация» < kehoittua «предлагать».

Конечная гласная производящей основы при такой деривации выпадает: merkičus < merkitä (merkiče-).

²⁶ Зайков П.М. Грамматика карельского языка: Фонетика и морфология. – Петрозаводск: 1999. – С.103.

²⁷ Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos. – Helsinki: 1968. – С.196.

Суффикс чрезвычайно продуктивен в новообразованиях собственно-карельского наречия:

muissutus «выговор» < muissuttua «напомнить»; lunassus «выкуп» < lunastua «выкупать»; selvitys «комментарий» < selvittyä «пояснить»; tarkissus «контроль» < tarkistua «проверить»; hämmässys «конфуз» < hämmästyö «испугаться»; kohennus «корректировка» < kohentua «исправлять»; mečän uuvvissus «лесовозобновление» < uuvvistua «обновлять»; mečänissutus «лесопосадка» < issuttua «садить»; haihtuvus «летучесть» < haihtuo «испаряться»; ahissus «натиск» < ahistua «давить». Суффикс употребляется при образовании частей сложных слов: virallinitijotus «коммюнике», lisäselvitys «консультация», а также при образовании существительных от заимствованных глаголов: klonaus «клонирование» < klonata «клонировать», kooditus «кодирование» < koodittaa «кодировать».

-in, -n

Суффикс образует deverбальные существительные со значением предмета. Будучи одним из древнейших суффиксов, широко известен в морфологии прибалтийско-финских языков: avain, painin, istuin (фин.), iškin, avvain (вепс.). В финском языке, например, данный суффикс в последнее время является одним из наиболее продуктивнейших, причём продуктивность этого суффикса экстралингвистическая – потребность в наименовании постоянно развивающихся предметов и приборов техники²⁸.

В современном словообразовании карельского языка суффикс получил распространение при номинации понятий из школьной жизни (ливвиковское наречие): viivotin «линейка» < viivata «подчёркивать»; kirjutin «ручка» < kirjuttua «писать»; terendin «точилка» < terendiä «точить»; piirdin «карандаш» < piirdiä «рисовать»; mualin «кисточка» < «красить», а также предметов, посредством которых совершается тот или иной вид деятельности – в собственно-карельском наречии²⁹:

härkin «мутовка» < härkitä «размешивать», uissin «блесна» < uistie «блеснить», avuan «ключ» < avata «открыть». В современ-

ном языке созданы слова kivenmurotin «камнедробилка», kuletin «конвейер».

С помощью этого суффикса образованы части сложных слов: tukkienkuivatin «фен» < kuivata «сушить», sähkösammutin «рубильник» < sammuttua «гасить» (лив.).

Перед суффиксом конечная гласная или первый компонент конечного дифтонга основы выпадает: tūönnütin «двигатель» < tūönnütitiä (tūönnütä-), miärätin «измеритель» < miärätä (miäriä-)³⁰.

Не менее важны и проблемы правописания, которые зависят от теоретического рассмотрения, в частности, и отдельных вопросов грамматики. Один из них – решение проблемы так называемых «послеложных падежей». К послеложным падежам относят падежи позднейшего образования, форманты которых возникли из слияния окончания старой падежной формы (чаще всего формы генитива, партитива, местных падежей) с редуцированным послелогом. Это касается не только карельского языка, но и других финно-угорских языков. От трактовки проблемы послеложных падежей зависит объём падежной системы в целом, и описания синтаксических функций новейших падежных форм, и в конечном итоге – правописание форм, что чрезвычайно важно особенно для учебной литературы.

В становлении молодой карельской орфографии много сложностей, которые вытекают из неразрешенности проблем теоретического характера. С этой точки зрения исследование путей развития послеложных конструкций в карельском языке актуально и продиктовано современностью, как с точки зрения теории, так и практики. На наш взгляд, историческое развитие таково, что оно привело к возникновению в ливвиковском наречии карельского языка пяти послеложных падежей: элатива, аблатива, комитатива, терминатива и аппроксиматива. Сразу отметим, что собственно-карельскому наречию данные падежи не свойственны.

В современных письменных текстах на ливвиковском наречии до сих пор нет единообразия в правописании послеложных паде-

²⁸ Länsimäki M. Suomen verbikantaiset in:ime – johdokset. – Helsinki: 1987. – С.277.

²⁹ Зайков П.М. Грамматика карельского языка: Фонетика и морфология. – Петрозаводск: 1999. – С.105.

³⁰ Маркианова Л.Ф. Пути развития лексической системы карельского языка // Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. – Szombathely: 2003. – С. 69.

жей. Так, в переводах евангелий (от Марка, от Луки, от Матфея), изданных в 1993 и 1997 годах, можно наблюдать слитное написание редуцированных послелогов с именем, свидетельствующее о том, что группа переводчиков склонна к признанию их падежными формами, например:

1) элатив с окончанием *-späi*:

Niil päivil Jiesus tuli Galilein Nazaretan linnaspäi, da Iivan valatti hänen Jordanjoves 'В эти дни Иисус пришел из города Галилея Назарета, и Иоанн крестил его в Иордане'³¹; *I kačo, avavuttih taivahat, i Iisus nägi, kui Jumalan Hengi heitüi taivahaspäi ku küühkõi da azetui hänen piäle* 'Посмотри, открылись небеса, и Иисус увидел, как Святой Дух спустился с неба как голубь, и сел на него'³²;

2) аблатив с окончанием *-lpäi*:

Kaikkielpäi tuli hänellüö rahvastu 'Отовсюду к нему пришли люди'³³; *Konzu hüö nähtih händü, hüö pokoroittihes, ku häi menis iäre heijän lohkolpäi* 'Когда они увидели его, они умоляли, чтобы он ушел из их мест'³⁴;

3) комитатив с окончанием *-nke*:

Juakoi i Iivan oldih heijänke 'Яков и Иоанн были с ними'³⁵; *Konzu Iisus heitüi alah mäilpäi, hänenke astui suuri rahvasjoukko* 'Когда Иисус спустился с горы, с ним шла большая группа людей'³⁶.

4) аппроксиматив с окончанием *-lloo, -llüö*:

Hüö mendih hänellüö 'Они пришли к нему'³⁷; *Jiesukselluo tuodih kai voimattomat da rahoin hengien vaivattavat* 'К Иисусу приводили всех больных, и одержимых злым духом'³⁸; *Sinägö tulet minulluo valattettavakse?*

'Ты пришел ко мне на обливание?'³⁹; *Sit Sattan jätti Iisusan, i hänellüö tuldih anhelit da piettih hänen huolen* 'После Сатана оставил Иисуса, и к нему подошли ангелы и заботились о нем'⁴⁰; *Ku rahvastu joukoittain tuli Iivanalluo valatettavakse, hän sanoi heile....* 'Когда люди группами подошли на обливание к Иоанну, он сказал им....'⁴¹;

5) терминатив с окончанием *-ssah, -ssäh*:

Sie häi püzüi Irodan kuolendassah 'Здесь он остался до самой смерти Ирода'⁴²; *Kaikin ruvetah vihuamah teidü minun nimen täh, no ken kestää agjassah, se piäzöü* 'Все начнут ненавидеть меня, но кто выдержит до конца, тот освободится'⁴³; *Usko minuu: siepäi sinä et piäze, kuni et maksane kaikkie velgua jälgimäzeh d'engazessah* 'Поверь мне, ты не выберешься, пока не выплатишь свои долги до последнего'⁴⁴.

Однако, в опубликованном в 2003 г. Новом Завете ситуация изменилась. Вместо окончания терминатива *-ssah, -ssäh* и аппроксиматива *-lloo, -llüö* употреблены обновленные послелого (luo, suate) с именем в генитиве:

Konzu Josif duumaičči sidä, üöl unis tuli hänen luo Taivahallizen Ižändän anhelit da sanoi.... 'Когда Иосиф подумал об этом, ночью ему во сне явился ангел Господень и сказал'⁴⁵; *Unis Jumal kieldi heidü menemäs uvvessah Irodan luo, i hüö mendih tostu dorogua müöte järilleh omah muah* 'Во сне Господь запретил снова приходить к Ироду, и он отправились по другой дороге назад к себе'⁴⁶;

Toven sanon sinule: siepäi et piäze, kuni et maksane kaikkii velgoi jälgimäzeh d'engazeh suate 'Истину говорю тебе: не выберешься отсюда, пока не выплатишь все до конца'⁴⁷; *Häi tüöndäü omii anheliloi, i hüö kerätäh Hänen vallittuloi kaikkis muailman n'elläs puolespäi, taivahan agjas da agjah suate* 'Он пошлет своих ангелов, и они соберут Его избранных со

³¹ J2 = Jevangelii Markan mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1993. – С.12.

³² J3 = Jevangelii Matfein mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1997. – С.7.

³³ J2 = Jevangelii Markan mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1993. – С.17.

³⁴ J3 = Jevangelii Matfein mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1997. – С.22.

³⁵ J2 = Jevangelii Markan mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1993. – С.15.

³⁶ J3 = Jevangelii Matfein mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1997. – С.19.

³⁷ J2 = Jevangelii Markan mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1993. – С.32.

³⁸ J3 = Jevangelii Matfein mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1997. – С.7.

³⁹ J2 = Jevangelii Markan mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1993. – С.32.

⁴⁰ J1 = Jevangelii Lukan mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1997. – С.56.

⁴¹ Там же. – С.12.

⁴² J3 = Jevangelii Matfein mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1997. – С.4.

⁴³ Там же.

⁴⁴ J1 = Jevangelii Lukan mugah. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki, 1997. – С.56.

всех четырех сторон света, от конца и края неба»,⁴⁸

На материале ливвиковских говоров карельского языка названная проблема пока не имеет конкретного решения, хотя Л.Ф.Маркианова при подготовке учебников карельского языка уже включила в падежную систему языка три падежа новейшего образования: элатив, аблатив и комитатив. Но это скорее дань прибалтийско-финской грамматике, нежели решение проблемы – прочие родственные прибалтийско-финские языки обладают названными падежными формами, поэтому на место прежних падежей, вследствие ряда причин в карельском языке совпавших по форме, были поставлены данные падежи. Что же касается теоретической постановки и решения вопроса, то он пока не привлекал достаточного внимания, за исключением, пожалуй, некоторых заметок эстонской исследовательницы Паулы Пальмеос⁴⁹, рассматривавшей положение вещей в держанском говоре тверского наречия. Кроме того, исследователь людиковского наречия карельского языка А.П.Баранцев в одной из статей предлагал вообще устранить проблему послеложных падежей; редуцированные же послелоги предложил рассматривать в качестве проклитик и не обращать внимания на такие моменты, как утрата паузы, ударения, появления гармонии гласных и т.д., так как, по его мне-

нию, для бесписьменного языка написание не имеет значения⁵⁰. Если бы исторические судьбы карельского языка не изменились, и он бы не приобрел статус языка, развивающего свои письменные и литературные традиции, с мнением Баранцева, возможно, отчасти, можно было бы и согласиться. Но новая ситуация требует решения данной проблемы.

Думается, что принятое решение по изъятию двух падежей из системы ливвиковского именного словоизменения не совсем правомерно, и, на наш взгляд, существование таких послеложных падежей, как терминатив и аппроксиматив, оправданно и для этого выделения существуют все предпосылки и теоретические обоснования. Правила орфографии, которые уже в момент их создания обладают списком серьезных исключений, трудно признать как логически выверенные и обоснованные.

⁴⁵ US = Uuzi Sana. Biblien kiändüinstituuttu. Stokgol'm-Helsinki. 2003. – С. 1.

⁴⁶ Там же. – С.2.

⁴⁷ Там же. – С. 6.

⁴⁸ Там же. – С. 40.

⁴⁹ *Palmeos P.* Hilistekkinud käänded karjalan Džoržan murrakus // Hilistekkinud käänded karjalan Džoržan murrakus - SUSA 72, 1973. – С.280 – 283.

⁵⁰ *Баранцев А.П.* К проблеме послеложных падежей в карельском языке // Международный конгресс финно-угроведов, 3. Тезисы. – Таллинн: 1970. – С.42.

FORMING NORMS OF THE NEWLY-WRITTEN KARELIAN LANGUAGE (BASED ON LEXIS AND GRAMMAR)

© 2008 S.V.Kovaleva, A.P.Rodionova

Institute of linguistics, literature and history of the Karelian research centre,
the Russian academy of science, Petrozavodsk

The article is devoted to problems of forming new lexis and orthography in newly-written languages (in this case, the Karelian language). The article explores modern processes of world-making, and problems of postposition-cases in Karelian: Elativ, Ablativ, Komitativ, Approksimativ, Terminativ. The phenomena are discussed in the context of defining the norm of the newly-written Karelian language.